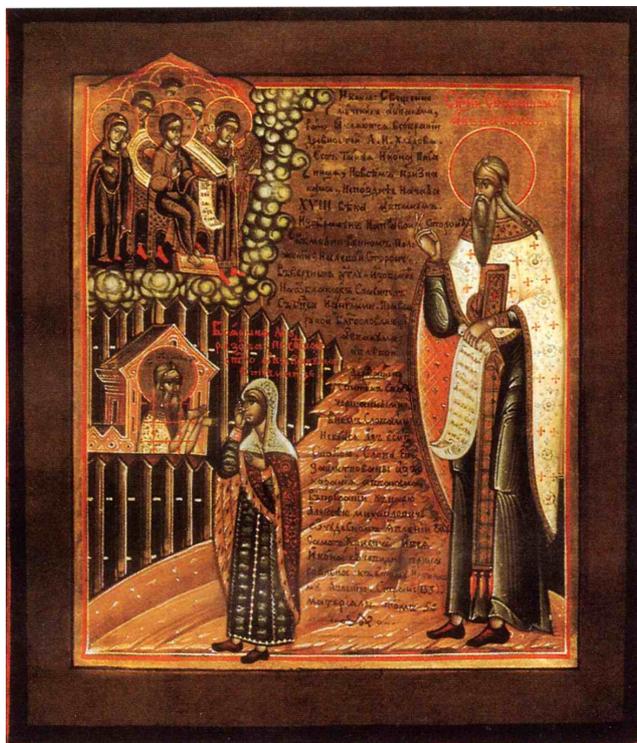

Епископ Михаил (Семенов)

О ПРОТОПОПЕ АВВАКУМЕ

(Непонятная клевета)¹

Я говорю по поводу новой книги профессора Каптерева «Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон». Именно по поводу главы *о протопопе Аввакуме*.

Не понимаю, как могла появиться в книге уважаемого профессора эта явно тенденциозная, ненаучная, иногда положительно неприличная по тону глава.

Профессор проявляет здесь такую явную недобропорядочность ученых приемов, такое абсолютное непонимание психологии и стиля великого мученика старообрядчества, даже более — психологии и стиля *века*, что я не могу объяснить этого страшного бессилия дисциплинированной и в общем независимой мысли ученого ничем иным, как какими-то соображениями, лежащими за пределами науки.

Сначала об общих достоинствах ученых приемов профессора — об упрощенности его методов доказательства.

Аввакум, по мнению профессора, — оболыщенный невежда, способный даже книжную опечатку возводить в догмат; человек, бессильный возвыситься над буквой старой книги, фанатично нетерпимый к личности и всякому действию своих религиозных противников.

Даже неустойчивый в своих *собственных действиях*.

Вперед можно сказать, что такие тезисы нельзя обосновать добросовестно.

И вот (начну с конца) самые характерные строки.

Каптерев говорит об уходе Аввакума в Москву из Юрьевца (стр. 24), и понятно недовольство царя и Стефана бегством Аввакума. Он поставлен был для борьбы, и при первой неприятности, ничего не сделав, малодушно бросает свое дело. «После первой неприятности малодушно бросает». Прекрасно сказано.

Несколько строк выше профессор говорит:

¹ В первоначальном варианте, опубликованном в журнале «Церковь», эта статья имеет название «Непонятная клевета». Но так как авторское название сейчас ничего не говорит о предмете, обсуждаемом в этой работе владыки Михаила, мы взяли на себя смелость изменить ее название (*редакция «Родной Старины»*)

«Достаточно припомнить знаменитого протопопа Аввакума. Его подвиги в борьбе с нечестьем, его многие злострадания за обличения людской неправды. *Его великую способность* переносить все, что бы «грешницы ни делали на хребте его».

А на стр. 311 описывается юрьевецкая неприятность...

«Вытащили меня из приказа собранием, среди улицы били батожем и топтали. Грех ради моих, замертво убили и бросили под избной угол».

Это называет неприятностью.

Как понять такое беспристрастие? Поначалу можно судить о том, как профессор *хочет* обрисовать Аввакума.

Самое избиение в Юрьевце он объясняет грубой нетактичностью и назойливостью протопопа, его вмешательством в личные дела.

Где у профессора факты какой-то грубой нетактичности, заходившей за пределы того, *что обязан делать пастырь*? Очевидно, он меряет пастырскую ревность по мерке «православного» пастырства, которое давно отменило самую проповедь Евангелия ради «тактичности» и уже, конечно, не станет вмешиваться с Евангелием в личные дела.

Авторы, гораздо менее способные, чем он, понимать сущность пастырства, просто в силу того, что по своим общественным убеждениям и взглядам решительно отрицают право священника входить в семью в качестве учителя и обличителя, даже и те не решаются пророчески-апостольскую ревность протопопа квалифицировать, как «нетактичность» и «назойливость».

Увы, «тактичность» большею частью самый смертный из пастырских грехов.

Бороздин определяет нетактичность Аввакума (стр. 4 книги «Протопоп Аввакум»), как пастырскую «добросовестность», пастырскую «ревность по Бозе», мешающую равнодушно относиться к общественной неправде.

Разве у профессора Каптерева есть новые факты? Тогда где они?

Такого же достоинства утверждение, что Аввакум — невежественный, безграмотен, способен опечатку типографскую считать за догмат. Узок, неспособен подняться над фетишистским обоготворением старой книги.

Интересны бы были опять доказательства этого острого утверждения.

Мы позже увидим, как «богаты» эти доказательства. А теперь одна справка.

В самом начале книги Каптерева мы останавливаемся на одном месте. Это — на характеристике Стефана Вонифатьева и его кружка.

Кружок столичных ревнителей характеризуется, как группа прогрессистов, с широкими задачами обновления общества и очищения практики церкви от нестроения и непорядков.

Это — *партия реформы*, мечтающая ввести живую проповедь, упорядочить богослужение и, между прочим, исправить книжные недочеты и ошибки... Мало того, группа задается даже задачами некоторого административного государственного обновления (Бороздин, стр. 14-15). Что же Аввакум? По словам Каптерева, он принадлежал к группе ревнителей *провинциальных*, отличавшихся от столичных своим буквоедством и узостью воззрения.

Нечего и говорить, что эта провинциальная группа — произвольная выдумка, для которой нельзя выдумать, подставить даже каких-нибудь призрачных оснований.

Аввакум и в Лопатицах, и в Юрьевце, несомненно, действует по программе ревнителей вонифатьевского кружка.

Барсуков определенно называет Аввакума членом кружка.

Бороздин утверждает, что программа кружка — программа Аввакума (Для примера: борьба против многогласия, борьба со скоморошеством и живая проповедь и т. д.)

Для всякого ясно, что такие прочные связи, которые объединяли Стефана Вонифатьева, Неронова, Аввакума не могли ни завязаться, ни тем более прочно держаться при радикальных различиях этих деятелей в самом направлении.

Стефана не могло тянуть к тупому буквоеду, а Аввакум не умел уживаться мирно с людьми, духовно чуждыми ему.

А если Аввакум — то же, что Стефан по своему направлению, только более стойкий и сильный, то ясно, что об узости и буквоедстве говорить можно только отрицая очевидность.

«Аввакум не мог различить даже типографскую опечатку...» Эта фраза уже близка к сознательной недобросовестности.

Я не буду уже говорить о необычайной ясности и синтаксической правильности речи Аввакума, замечательно сильного стилиста, хотя и это доказывает, что перед нами человек «достаточно образованный» (Бороздин, стр. 5), начитанный в Божественных Писаниях (*ibid*).

Возьмите догматические части его сочинений.

Против них возможны возражения по существу.

Несмотря на то, что Аввакум, несомненно, не привык *писать* о вопросах отвлеченных, он сознательно и умело оперирует над понятиями чисто философского характера.

«Хотение и сила». «Недоступность Божества». *Различие существа и силы*.

Опасность оперирования собственными философскими терминами ведет к тому, что некоторые мысли Аввакума кажутся неприемлемыми.

Но нигде нельзя сказать, чтобы в его речах был виден человек, не разбирающийся в собственных словах. Наоборот, он пытается *подняться* над простой начитанностью, анализирует очень сложные понятия и не всегда может сказать безошибочно, но никогда невежественно.

Нужно, например, сказать, что даже знаменитое будто бы еретическое место из Аввакума об отношении Христа к Богу в Троице заключает в себе чрезвычайно сжато выраженный целый ряд философских мыслей, дающих в общем совершенно православную концепцию. Его мысли не умели или, вернее, просто не хотели понять. Его мысли называют «грубо-ребяческими». Очевидно, над ними не сообразовали остановиться.

Во всяком случае, с ним не конкурировать Никону, оставившему в своих произведениях только анализы присылавшихся царем Алексеем рыбных припасов.

«Аввакум стоит за одну букву «аз». Но этот «аз» вовсе не буква, а «союз» в Символе веры, подчеркивающий и оттеняющий величайший догмат «несотворенности Сына».

Правда, Аввакум резко и отрицательно говорит о внешней философии.

«Он, — говорит Каптерев, — утверждает, что Пифагор и даже Платон мучаются в аду за свой надменный ум». Он утверждает, «что нужно не изыскивать, а веровать в то, что святые написали. Налагает узду на свободную мысль человека».

Пусть здесь нетерпимость и ошибка, — автор этих строк менее, чем кто-нибудь стоит за обуздание свободной мысли, но как думают о загробной участи Платона «православные» священники?

Больше, — давно ли стали они по отношению внешней философии и знания к религии более терпимы, чем Аввакум?

Каптерев не читает своих «архиереев», незнаком с эпохой пятидесятых годов, даже с Филаретом московским.

Наконец, он забыл о том, на каких основах держатся два новых проекта реформы духовных академий. Разве не на том же пренебрежении к Платону и недоверии к нему? Но ведь со времени Аввакума прошло два с половиной века. Да и проекты написаны бывшими ректорами академий.

Но вот еще одно утверждение фактического свойства.

Аввакум, по Каптереву, не знал Никона и все, что говорил о нем, говорил «наобум», руководимый одной слепой ненавистью к нему.

Не знал? Мало встречался? Где же аргументация? А она такова:

Аввакум пробыл в Москве при Никоне всего один год. Был в это время вдали от патриарха. А затем был сослан в ссылку и более его не видел...

К этому Каптерев считает нужным прибавить: «Аввакум, дескать, хочет сказать, что он знал Никона еще в детстве, на родине, но...»

Очевидно, Каптереву эта ссылка кажется несущественной.

Допустим, что ранние воспоминания Аввакума несущественны для характеристики

Никона, но Аввакум не только мог, но должен был знать Никона и по Москве.

В 1646 или начале 1647 г. Аввакум в Москве. В 1648 году — тоже (Бороздин, 5 и 7). В 1651 году или начале 1652 он переселяется в Москву совсем.

В 1646 году Никон поставлен архимандритом Новоспасского монастыря. Только в 1649 году он уезжает в Новгород и возвращается назад в один год с Аввакумом.

Никаких сведений, что Аввакум стоял вдали от патриархов, нет.

Наоборот, Никон явно тянул к кружку Стефана Вонифатьева, — «дружи́л с ними».

Несомненно, вместе не раз собирались эти передовые люди тогдашней Москвы, например, для решения вопроса о «многогласном пении».

Вопрос этот оживленно обсуждался именно накануне отъезда Никона в Новгород.

И после 1652 года уже в Москве Никон ласково обращается с вонифатьевцами, тянет к ним. Известно, что и избран он хотя волей царя, но для показа, между прочим, по челобитной, подписанной вонифатьевцами и Аввакумом. Вполне ясно, значит, что гораздо правее Каптерева Бороздин, по которому Аввакум не мог не знать «друга» Никона близко.

Аввакум будто бы совсем не мог знать никоновской реформаторской деятельности, которая началась с собора 1654 года.

Но отсюда должен быть сделан вывод, весьма неудобный для Каптерева.

Если, не видя еще «деятельности Никона» до собора 1654 г., Аввакум угадал, что «зима хошет быти», то, значит, он законодателя знал *слишком хорошо*.

По началу мог угадать то, *что будет*. Знал дух и характер реформатора, расколовшего церковный мир по капризу несдержанного и взбалмошного личного «я».

Однако довольно об этом. Перейдем к характеристике моральной личности Аввакума у Каптерева.

* * *

Аввакум, по характеристике профессора Каптерева, самообольщенный человек, уверенный в своей святости.

Убежденный, что святее угодника, чем он, и не бывало, да и не будет на святой Руси, что и небо, и земля в послушании у него как у святого.

Страницы книги, посвященные этому тезису, — наиболее неприличные по своему неуместному в ученом сочинении тону.

«Сотворить во всякое время чудо, лишь бы под рукой были епитрахиль, масло, вода, кадило и старопечатный Требник, Аввакуму ничего не стоило», пишет Каптерев. Для чего могла понадобиться такая развязность стиля фельетониста дурного тона?

Но, конечно, не в тоне дело. Тенденция главы, ее сущность явно клеветническая, хотя может быть и объясняется ненаучным и плохо выполненным стремлением во что бы то ни стало, даже жертвуя правдой, нарисовать образ поярче.

«В сознании своей несомненной великой угодности пред Богом, протопоп сам, очень решительно и определенно, заранее намечает, к лику каких именно святых должен причислить его Господь, если он, Аввакум, умрет такою или иною смертью».

Странное обвинение. И вот его обоснование: «Аще меня задушат, — обращается Аввакум с прошением к Господу, — причти мя с митрополитом Филиппом московским, аще ли зарежут, и Ты, Господи, причти мя с Захариєю пророком; аще ли посадят в воду, и Ты, Владыко, яко и Стефана Пермскаго, паки свободиши мя».

Спрашивается, что неугодного или тщеславного в этой молитве о том, чтобы Господь причислил к лику угодивших Ему?

Мы молимся всегда о почивших, чтобы Господь принял их в «лоно Авраамово», сопричислил «со святыми», «со духи праведными».

Молитва Аввакума вовсе не молитва о каком-то высшем ранге святости, а смиренная детская молитва о том, чтобы Господь, если суждено ему пострадать мученически, не вменял ему грехов его, дал ему участи тех, кто, пострадав мученически, сияли и святостью.

«Я грешен, но вмени меня с праведными», — вот смысл его молитвы.

Что было грешного, если бы мы молились: «Прими нас Господи, как Давида раскаявшегося, Марию Египетскую... С ними сопричти...»

Еще менее понятно глумление профессора по поводу видения Аввакума, будто «он и язык его и тело растут, ширятся, наполняя землю».

И по поводу комментирующего эти слова отрывка из письма царю.

«Ты владеши, на свободе живучи, одною русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное седение небо и землю... Небо мое и земля моя, свет мой и моя тварь».

Но разве эти тюремные откровения не вполне законны?

Тюремному узнику, сидящему в могиле-тюрьме, без солнца и света, открывается в ощущениях духа, даже в видениях, что он не узник, а свободен, сильнее и богаче самого царя в его палатах. Что ни тюрьмы, ни костры не могут сдавить и сжать свободной мысли, отнять принадлежащее всем ученикам Христовым небо, что живущий в Господе — владеет вселенной.

Разве здесь была личная самооценка, личное превозношение?

Аввакум говорит о переживаниях всякого, «свобода которого во Христе».

Его переживания не только нравственны, но *обязательны* для человека, который идет на мученичество без насилия над собой, а в горении духа.

«Он даже с Богом фамильярничает в своей святости», по Каптереву.

Когда Аввакума, по приказанию Пашкова, сильно били кнутом, он в это время говорил: «Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мне», и не чувствовал особых страданий. Но совсем иначе чувствовал себя после жестокой экзекуции. «Как были, — рассказывает он, — так не больно было с молитвою тою; а лежа на ум взбрело: за что, Ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я ведь за вдовы твоя стал! Кто даст судию между мною и Тобою? Когда воровал и Ты меня так не оскорблял; а ныне не вем, что согрешил!..»

Нужно увлечься предвзятой ложной мыслью, чтобы увидеть фамильярность самообольщенного «святого» в этом вопле измученного годами пыток человека, который в тоске говорит словами Иова.

Там, где душа у человека сочилась кровью, находить место для насмешливой улыбки, — это уже моральная тупость.

Аввакум верил, что Господь для него на каждом шагу творит чудеса.

И приводит известный рассказ Аввакума о том, как Бог чудесно напоил его зимой на озере в Даурах.

Напомню этот эпизод... Идет протопоп по замерзшему озеру. Мучит жажда, а воды взять негде.

«И вот, — повествует протопоп, — бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, говорю: «Господи, источивый Израилю, в пустыне жаждущему, воду, тогда и днесь Ты напои меня ими веси судьбами. Простите Бога ради, затрещал лед, яко гром, предо мною. На высоту стало кидать, и яко река разступилася сюду и сюду, и паки снидесе место, и бысть гора льду велика. А мне оставил Бог пролубку».

И рассказ о том, как Аввакум поймал много рыбы в месте, которое отвел ему Пашков на смех в мелкой заводи...

«Что же лгал Аввакум?» Каптерев не смеет этого сказать. Так что же? Аввакум толкует, как чудо совершенное ради его святости, естественный случай. Допустим. Пусть здесь чуда не было, хотя что такое чудо? Во всяком случае я полагаю, что религиозно настроенный человек обязан объяснять, просто не может не объяснять случаев подобных тем, какие рассказал Аввакум, даже случаев бесконечно менее поражающих и неожиданных, — ничем другим, как только Промыслом.

Человек может считаться вовсе не праведником, а великим грешником и все же, все даже и не такое, повторяю, исключительное, как в жизни Аввакума, будет объяснять как милость и помощь Божию.

На этом основано все религиозное мировоззрение, и если Аввакум верит, что Господь

следит за каждым его шагом, то как же иначе может верить христианин?..

Если даже Аввакум склонен иногда видеть особенную, незаслуженную им, по его мнению, милость Божию, то причину видит не в себе, не в своей личности, а в том, *что дело его и друзей Богу угодно.*

Дело, а не личность.

Каптерев подчеркивает курсивом фразу Аввакума, какой он заканчивает рассказ о том, как он подавился костью и маленькая дочурка спасла его, ударив с разбега «локтишками».

«Бог ребенка наставил, пророка от смерти избавил». Но не хочет заметить, что эти фразы — просто цитаты, вернее, даже поговорка, и не принадлежащая Аввакуму.

«И не думайте, — уверяет профессор, — что рассказы Аввакума — следствие его простоты и какой-либо детской наивности. Нет, это хорошо обдуманый и рассчитанный прием.

Всеми рассказами о своих чудесах, бывших ему необыкновенных знамениях и видениях, Аввакум преследует одну определенную, ясно намеченную им цель: убедить всех своих читателей, что истина, правда на стороне его, протопопа Аввакума, так как за ним и всеми его действиями стоят Сам Господь Бог, Пресвятая Богородица, ангелы и все святые».

И заключает:

«Протопоп в своих рассказах о себе, если так можно выразиться, сам любит на свою собственную необычайную святость, на свои необыкновенные сверхъестественные благодатные дарования, на свои подвиги и злострадания за правую веру. Трудно найти в истории другой пример такого откровенного, беззастенчивого, публично заявленного самомнения и самообожения на почве своей святости и угодности пред Богом».

Да, рассказывает сознательно. Да, рассказывает для того, чтобы подкрепить свое слово и проповедь.

Но это-то именно и снимает с Аввакума всякое нареkanie. Аввакум не мог не рассказывать о себе, если имел основание думать, что рассказы его служат на пользу дела и к славе Божией.

Никто не смеет скрывать ничего, что может привести к правде человеческую душу.

Эта мысль апостола — обязательная для каждого деятеля, которому о себе «хвалиться не показывает», но который не может не говорить по улицам и перекресткам о том, что свидетельствует истину.

Иное дело, если Аввакум для целей пропаганды что-нибудь выдумывал.

Такого обвинения я однако не нахожу у Каптерева.

Известно, как унижительно говорит Аввакум о собственных достоинствах.

Сам Каптерев приводит эти места.

«Не величайся дурак, — пишет протопоп, — тем, что Бог сотворил во славу Свою чрез тебя такое дело, прославляя Свое пресвятое имя... А ты су какой святой?.. И величаешься грязь худая: я су бесов изгонял, то, се делал, а себе не мог помощи, только бы не ребенок. Ну помни же себя, что нет тебя ни сошто, аще не Господь, что сотворит».

Или:

«Не знаю дни коротать как! Слабоумием объят, и лицемерием и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю. И мнясь нечто быти, а кал и гной есмь, окаянный. Отвсюду воняю, — душою и телом. Хорошо мне жить с собаками, да со свиньями в конурах: так де и оне воняют, что и моя душа, злострадною воню. Да свинии и псы по естеству; а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице граде. Спаси Бог властей тех, что землею меня закрыли! Себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблазняю. Ей, добро так!..»

Каптерев хочет уверить, что это говорится нарочно, «с плохо замаскированной целью внушить читателю ту мысль, что де протопоп чудотворец сам то о себе думает не высоко, а наоборот, очень смиренно и даже унижительно, только дела его, помимо его воли, невольно являют его великим и славным угодником Божиим».

Я наоборот думаю, что профессор сам торопится привести последние две цитаты из

Аввакума из-за плохо замаскированной боязни, что они в сущности уничтожают его выводы, и из желания «отвести» эту справку, явно убивающую его построения.

В сущности Каптерев, конечно, знает, что этот мотив «личного недостойнства» проходит через все писания Аввакума.

И цитат такого характера можно насчитать не две, а десятки.

Вспомните, например, как оценивает сам Аввакум вопль Иова, исторгнутый у него страданиями, тот самый, в котором Каптерев видит фамильярность с Богом обольщенного своей святостью человека.

«Другой фарисей, — говорит протопоп Аввакум о себе, — погибельный сын, с говеною рожею праведником себя поменил, да со Владыкою, что Иев непорочный на суд, да Иев хотя б и грешен, ино нельзя на него подивить: вне закона живый, писания не разумел, в варварской земле живя; аще и того же рода Авраамля, но поганова колена. Внимай: Исаак Авраамович роди сквернаго Исава, Исав роди Рагуила, Рагуил роди Зара, Зара же праведнаго Иева, вот смотри у кого Иеву добру научитца. Все прадеды идолопоклонники и блудники были, но от твари Бога уразумеи, жив праведный непорочно; и в язве иже изнесе глагол от недоразумения и простоты сердца: изведый мя из чрева матери моея, кто даст судию между мною и Тобою, яко тако наказуеши мя; ни яз презрех сироты и вдовицы от острига овец моих плещи нищих одевахуся, и сниде Бог к нему и прочая. А я таковая же дерзнух от коего разума? родился в церкви, на законе почиваю, писанием Ветхаго и Новаго Закона огражден, вождя себя помышляю быти слепым, а сам ослеп изнутри; как дощеник-от не погряз со мною! Стало у меня в те поры кости те щемить, жилы те тянут, и сердце зашло, а и умирать стал. Воды мне в рот плеснули: так вздохнул, да покаялся перед Владыкою, да и опять перестало все болеть. На утро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу Падуну Большому: река о том месте шириною с версту. Три залавка гораздо круты: аще не воротами что поплавет, ино в щепы изломает. Меня привезли под порог. Сверху дождь и снег. На плечах одно кафтанишко накинуто просто, — льет по спине и по брюху вода. Нужно было гораздо. Из лотки вытащили, по каменью около порога тово тащили. Да уж к тому не пеняю на Спасителя своего, но пророком и апостолом утешаюся, в себе говоря: сыне, не пренемай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует. Биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аще ли без наказания приобщается ему, то выблядки, а не сынове есте» (Бороздин: «Протопоп Аввакум», стр. 85-86 в прилож. по издан. 1900 г.).

Серьезнее обвинения Аввакума в нетерпимости, в ненависти к никонианам, которых, по Аввакуму, будто нужно ненавидеть. Нельзя любить, необходимо проклинать.

«Своего врага люби, а не Божия, сиречь еретика и наветника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душою и телом, а аще кто не богоборец и не еретик досаждает ти, такового любити подобает по заповеди Господни... С еретиком какой мир? Бранися с ним и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному... Беги от еретика и не говори ему ничего о правоверии... Токмо плюй на него».

Затем приводит письма Аввакума к царю Феодору Алексеевичу о том, что он, если бы царь дал ему волю, как Илия пророк, перепластал бы всех во один день...

Аргументируя эти строки, Каптерев совершенно не берет в расчет стиля века и стиля Аввакума. Не хочет сознать, что во многих случаях он имеет дело просто с «*façon parler*», как говорят французы, — с манерой говорить и писать иногда с намеренной гиперболой, почти шуточно (когда Аввакум говорит о том, как он с князем Юрием перепластают никониан).

Наоборот, серьезное в речах Аввакума он не хочет понимать.

Что характернее, например, этих строк:

«Молися, — пишет Аввакум, — за противнаго, яко и сам Господь о Иеросалиме плакаше, и Стефан первомученик о убивающих моляшеса, и Моисей: Господи, аще люди сии погубляеши, истреби и меня от и книги животныя. Тако и ты говори: Господи, накажи (т.е. просвети) сопротивляющихся и привлецы ко истинне Твоей, ими же веси судьбами Своими праведными».

Разве это не любовь христианская?

«Если Аввакум даже желает, чтобы у тех, кто совсем не подает надежды на покаяние», Бог пресек жизнь нечестивого, то это молитва не его, а молитва старая традиционная, какой молились еще при Юлиане Отступнике, притом осложненная доброй (верной или нет — вопрос другой) мыслью, что для грешника лучше умереть, не дойдя до конца в своей гибели.

Ни о каких карах небесных, — о том, чтобы Господь свел огонь с неба, — здесь нет и помину.

Каптерев забывает, что тоска любовная, молитва об обращении грешных, встречается у Аввакума не один раз.

«Я не сведу рук с высоты небесных (т. е. не перестану молиться), — пишет он царю, — дондеже Бог тебя отдаст мне», т. е. обратит к истине.

Аввакум учит ненавидеть? Не быть в мире с еретиками? Плевать на них?

Но разве не ясно, что здесь идет дело о ненависти не к человеку-еретику, а еретику-соблазнителью, еретику-развратителю. Предписывается отвращать именно от соблазна. Но это завещание Христа об отношении к тем, кто Церкви преслушает.

Каптерев мог бы вспомнить отношение Аввакума к его тюремщикам, например, историю о том, как в собственном доме Аввакум с опасностью для себя укрыл холопа Пашкова, холопа, который особенно жестоко обращался с Аввакумом в угоду своему хозяину.

Наконец, любовное отношение Аввакума к семье Пашкова и даже к нему самому.

Последнее особенно замечательно. Аввакум на своем энергичном языке все время бранит гонителя, слугу антихристового, но в то же время всюду чувствуется, что за «человека Пашкова» он тоже готов бы отдать хоть жизнь, как за его холопа. Не даром «Пашков благодарит Аввакума за то, что он отнесся к его семье «отечески — не помня зла».

А эти отношения к холопам-гонителям и тому, которого он спас, и тем, которых он под гневом всемогущего воеводы освободил от тяжелой пытки, и тем, которых он кормил сам голодный «кашей с маслом», и того Василия, который чуть не посадил его на кол и которого он спас от смерти под постелью Марковны.

«За что на него гневаться... Явно в нем бес действует. Да уж Бог его простит», — в этой фразе Аввакума о Пашкове выразился дух его отношений ко всем врагам.

Они только несчастны. Они бесом соблазнены. Как их не жалеть...

И имея в виду эту любовность, даже самоотверженную любовность к врагам, полагаю, что нужно видеть настоящего Аввакума не в его шутках о «распластании Никона», а именно в этих серьезных речах.

«Чудо, — рассуждает Аввакум, — как в познание не хотят приити! Огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Но Господом реченное ко апостолом сице: *шедше в мир весь проповедите евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет* (Мар., зач. 71). Смотри, слышателью, — волею зовет Христос, а не приказал апостолам непокоряющихся огнем жечь и на виселицах вешать.

Татарский бог Магомент написал в своих книгах сице: непокоряющихся нашему преданию и закону повелеваем их главы мечем подклонити. А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. А те учителя явны яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают, по вере своей и дела творят таковы же».

Я совсем не думаю утверждать, что Аввакум был чист от всякого пятна и порока.

Может быть он иногда и нетерпим и не сдержан. В увлечении борьбы он видел и в деле Никона и в никонианской церкви более лжи и проказы, чем там было в действительности.

Испуганный ненужной и нехристианской ломкой, начатой Никоном, Аввакум часто видел за неудачными поправками старых книг такой еретический смысл, какого в этих поправках, просто невежественных, не было.

Справедливо, что раздраженный богохульствами «Жезла» и т.п. он отвечал иногда менее сдержанно, чем следовало.

Но эти ошибки ревности слишком естественны в человеке его века и его темперамента.
Да и нет человека, который бы не ошибался.

Можно ошибаться и ученому, но прежде всего ему нужно быть честным.

Епископ Михаил

Из ж. «Церковь». М., 1910. №6 С.161-163, №7 С.188-191.